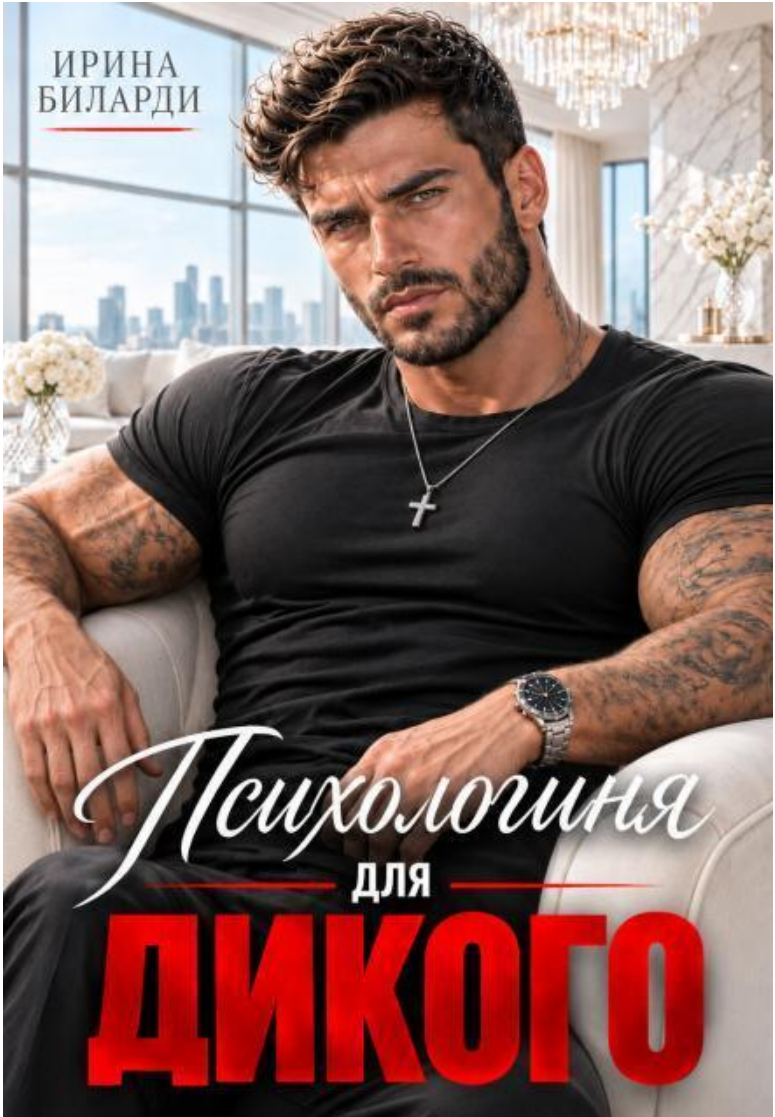

ИРИНА
БИЛАРДИ
Психологиня
для
ДИКОГО

Ирина Биларди
Психологиня для Дикого

https://litres.ru/74825254

Аннотация

— Черкни, что психопат адаптирован, и разошлись, — Он навис над столом, обдав жаром, и швырнул пачку пятитысячных:

— Руки со стола уберите. Вы не на разборке в подворотне.

— Опа, а мы с зубками! Ждал трепетную интеллигентку, а тут — цепная собачонка.

— А хамов иначе не лечат. Привыкли давить массой и рычать, потому что на большее ресурсов не хватает?

— Жёстко стелешь, доктор, — усмехнулся он с хищным азартом и развалился в кресле. — Раз отвалил бабки — отрабатывай, лечи меня.

Теперь Потоцкий никуда не спешит: он развалился в кожаном кресле и передумал уходить. У меня осталось тридцать пять минут по регламенту, ноль знаний в психоанализе и опасный хищник напротив, которому явно понравилось, как огрызается «цепная собачонка».

Герои из совсем-совсем разных миров

Огненное противостояние

ХЭ обязательно!

ВАША ПОДДЕРЖКА НА СТАРТЕ КНИГИ ОЧЕНЬ ВАЖНА ДЛЯ АВТОРА!

❤# Не забудьте поставить звездочку

И добавить книгу в библиотеку

Первую неделю проды - каждый день

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Визуализация	17
Глава 3	22
Глава 4	32
Глава 5	40
Глава 6	48
Глава 7	55
Глава 8	63
Глава 9	68
Глава 10	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Глава 1

— Ставь свою закорючку, что я вменяемый, и я пошёл, — раздался от дверей такой густой, вибрирующий бас, что у меня в ушах тонко звякнуло, а ручка сама собой выскользнула из онемевших пальцев и с сухим стуком покатилась по полированному дубу.

Дверь в кабинет даже не скрипнула — её распахнули с ноги или с плеча, впечатав в стену так, что на полке испуганно звякнули декоративные стеклянные шары.

Я вскинула голову, захлебнувшись заготовленным возмущением, но воздух застрял где-то в гортани, превратившись в колючий, царапающий ком.

В дверном проёме стоял человек-скала. Нет, не скала — целый чертов тектонический сдвиг. Плечи такой ширины, что за ними напрочь скрылся весь коридор, расстёгнутая тёмная куртка, чёрная водолазка, обтягивающая бугрящиеся каменные мышцы, и физиономия, будто вырубленная тупым топором. Тёмная короткая щетина, хищный прищур глаз и перебитый нос — деталь, от которой по спине мгновенно пробежал неприятный холодок опасности.

Пол под его тяжёлыми, неспешными шагами едва ощутимо дрогнул.

— Роман, я полагаю.. — выдавила я, запоздало расправляя плечи и пытаясь унять предательскую дрожь в коленях.

— Стучаться вас не учили?

Незнакомец даже бровью не повёл. Он подошёл к широкому столу хозяйки кабинета, за которым я сидела с чужим ноутбуком и распечатками технических чертежей, и опёрся о столешницу обеими руками. Навис. Настоящее солнечное затмение. От него нестерпимо веяло уличным морозным жаром и такой первобытной, наглой силой, что моё сердце испуганно заколотилось о рёбра, словно пойманная перепёлка.

— Роман, — бросил он коротко, сверля меня тяжёлым, давящим взглядом. — Для особо впечатлительных — Роман Потоцкий. А стучаться мне религия не позволяет. Особенно когда меня силой приволокли к шарлатанам.

Он вытащил из кармана сложенный вчетверо лист бумаги с какой-то официальной печатью и небрежно швырнул его прямо поверх моих страниц с переводом немецкой гидравлики. А следом — толстую пачку пятитысячных купюр, перетянутую резинкой. Пачка глухо шмякнулась о дерево.

— Вот направление, вот бабки за полный курс. Черкни, что психопат адаптирован для жизни в социуме, поставь свою печать, и разошлись. Без соплей, копания в травмах детства и дурацких тестов с кляксами.

У меня от этой беззастенчивой наглости даже виски заломило. Внутри всё сжалось в тугую пружину. Этот громила разговаривал со мной так, будто я грязь из под ногтей.

— Послушайте, Роман… — я аккуратно, двумя пальцами отодвинула от себя хрустящие купюры, чувствуя, как щёки

заливает горячая волна злости. — Давайте начнем с главного: с какой проблемой вы ко мне обратились?

— Не начинай, а, — поморщился он, словно от зубной боли, и шумно выдохнул сквозь ноздри, как разъярённый бык. — Макс, сука, удружил. Втемяшил себе в башку, что я слетел с катушек, раз разнёс чужую тачку в хлам прямо на парковке. Проспорил я ему, ясно тебе? Влез в дебильное пари. Уговор был железный: либо я отдаю ему свой «Гелик», либо хожу десять сеансов к «лучшему мозгоправу этого гребаного района», чтобы научиться эмоциональному контролю. Ну вот он я. Сижу, блядь, контролирую эмоции из последних сил, чтобы твой стеклянный стеллаж об стену не сложить.

Каждое его слово падало с тяжестью свинцовой гири. Я чувствовала эту ярость физически — она гудела в воздухе, заставляя волоски на руках вставать дыбом. Здравый смысл орал во всё горло: *«Полина, скажи ему правду! Скажи, что ты просто переводчик документации, что хозяйка кабинета на Бали, а ты тут сидишь в ожидании курьера!»*

Но в глаза бросился его насмешливый, брезгливый взгляд. Он смотрел на меня сверху вниз — на мои очки в тонкой оправе, на строгий пучок, на застёгнутую под самое горло шёлковую блузку — с таким снисходительным презрением, будто я была комнатной болонкой, осмелившейся тявкнуть на бульдога.

И мой чертов «синдром отличницы» дал короткое замыкание. Обида и профессиональная гордость вспыхнули ярче

любого страха.

— Руки со стола уберите, — отчеканила я ровным, почти ледяным тоном, хотя внутри всё ходило ходуном, а пальцы под столешницей впились в ткань юбки. — Вы не на ринге и не на разборке в подворотне.

Роман замер. На его квадратных скулах отчётливо дернулись желваки. Медленно, с неподдельным изумлением он убрал руки с полированного дуба, распрямился во весь свой пугающий рост и оглядел меня заново — уже с хищным, исследовательским прищуром.

— Опа. А мы, оказывается, с зубками, — усмехнулся он одними уголками тонких губ. — Макс трепался, что тут принимает трепетная интеллигентка, которая будет вздыхать, поить меня травяным чаем и гладить по шерсти. А тут, смотрю, цепная собачонка сидит.

— Цепные собаки обычно кидаются на тех, кто не умеет заходить в помещение цивилизованно, — парировала я, вскинув подбородок. Горло пересохло, но голос не дрогнул. — А судя по вашему поведению, Роман, слова «цивилизованность» и «воспитание» в ваш скудный вокабуляр попросту не входят. Вы привыкли давить массой и рычать, потому что на большее ресурсов не хватает?

В комнате повисла такая тишина, что стало слышно тихое урчание ноутбука.

Я увидела, как его тёмные глаза сузились в две опасные щели. Взгляд стал ледяным, пробивающим насквозь. Секун-

ду мне казалось, что он сейчас просто возьмёт этот массивный стол за край и опрокинет его вместе со мной. Желудок сжался в ледяной комок, дыхание перехватило от накатившей волны чистого адреналина.

Но Роман вдруг… глухо хмыкнул.

Он шагнул назад, развернул стоявшее напротив массивное кожаное кресло, с силой плюхнулся в него и бесцеремонно закинул ногу на ногу. Дорогая кожа кресла жалобно заскрипела под его весом.

— Жёстко стелешь, доктор, — насмешливо протянул он, вальяжно откинувшись на спинку и скрестив ручищи на мощной груди. — Ну давай. Раз уж я отвалил тебе бабки и убил сорок минут в пробке, отрабатывай. У нас ещё тридцать пять минут по регламенту. Садись ровно, включай свой психоанализ и лечи меня. Я весь внимание.

Глава 2

За полчаса до того, как массивная дубовая дверь чуть не слетела с петель под напором девяноста килограммов первобытной агрессии, в кабинете царил идеальный, почти стерильный покой.

Я сидела в одном из тех дорогих кожаных кресел, в которых городская элита обычно выкладывала свои экзистенциальные кризисы по тридцать тысяч рублей за час. Тихо шелестел ноутбук. На экране висел зубодробительный немецкий мануал по гидравлическим приводам — сто сорок страниц технических терминов, от которых у меня уже третий час плавились мозги и пульсировало в правом виске.

Зажав в руке пластиковую лейку с длинным изогнутым носиком, я мрачно уставилась на фаленопсис на подоконнике. Орхидея выглядела так же, как я в конце рабочей недели: вяло, поникше и с явным желанием отбросить пару нижних лепестков назло окружающему миру.

Внезапно смартфон на столе задергался, завибрировал с мерзким, настойчивым жужжанием и чуть не соскользнул на паркет. На экране замигало жизнерадостное селфи Элины в широкополой соломенной шляпе на фоне лазурного океана.

Я перевела дух, смахнула зелёную кнопку и прижала трубку к уху.

— Селезнёва, поклянись, что ты уже там! — вместо при-

ветствия заверещала подруга с такой панической экспрессией, будто за ней гнались все акулы Индийского океана. На заднем плане сквозь помехи свистел ветер и доносился глухой гул аэропорта. — Скажи, что ты в кабинете! Пожалуйста, скажи, что ты не забыла полить моих капризных монстров!

— Я здесь, Эля. И твои капризные монстры сейчас получат свою порцию воды, если перестанут смотреть на меня с немым укором, — вздохнула я, зажимая телефон плечом и направляя струю на корни. — Слушай, я доперевожу три абзаца про гидроцилиндры в тишине и сваливаю. У меня от твоего дизайнерского кресла уже копчик немеет, а дома меня ждёт неразобранная стирка и замороженные блинчики.

— Не смей сваливать! — взвизгнула Элина так пронзительно, что мембрана динамика затрещала, а у меня внутри всё мгновенно подобралось в предчувствии катастрофы. — Полька, ради всего святого, не смей уходить! Сядь на место!

— Так, — я замерла с лейкой на весу. В груди противно ёкнуло. — Что ты опять придумала?

— Я ничего! То есть вообще ничего, это форс-мажор, я сама в шоке! — затараторила она, захлёбываясь словами. — Помнишь Максима? Ну, Ветрова, из строительного холдинга, который в прошлом году оплатил ремонт нашего ресепшена?

— Господи, Эля! Я не знаю всех твоих Максимов и тем более кто там и за что платил!

— Да не суть! Короче, сейчас позвонил Ветров. У них там

какая-то идиотская мужская тема… короче, его партнёр влетел в дурацкий спор. То ли они напились, то ли на ринге сцепились, я не вникала! Но смысл в том, что этот его партнёр должен прямо сегодня, кровь из носу, явиться на сеанс психотерапии. Ко мне! Потому что Макс выкатил ему условие: только лучший специалист города, иначе спор не засчитан!

— Ну так и флаг ему в руки, — пожала плечами я, аккуратно ставя лейку на подоконник. — Скажи, что запись закрыта. Ты на Бали, ближайшее окно — через три недели. Пусть пьёт ромашку и дышит квадратом.

— Ты не понимаешь! — в голосе Элины прорезались почти трагические нотки. — Он уже едет! Макс лично записал его через моего администратора, а Людка, дура набитая, забыла внести это в онлайн-календарь и ушла на больничный! Понимаешь?! Он сейчас приедет! И если упрётся в запертую дверь, Макс мне кислород перекроет к чертовой матери, он инвестор половины моих программ!

Холодок, зародившийся в районе желудка, начал медленно расползаться под ребрами.

— Эля… к чему ты клонишь?

— Полечка… зайка моя… — интонация подруги резко сменилась на медовую, вкрадчивую и до ужаса опасную. Так говорят с пациентами в остром психозе или с теми, кого собираются бессовестно подставить. — Ты же там. Ты сидишь в моём кресле. На тебе твой этот серый строгий костюм с дурацкой юбкой по колено?

— Обычный костюм, — насторожилась я, инстинктивно одёргивая ткань. — Я в нём утром на встречу с заказчиком ездила.

— Идеально! Очки на носу?

— На носу…

— Полька, спаси меня! Прими его! Просто посиди с ним сорок минут!

У меня отвисла челюсть. Воздух в лёгких словно заледенел.

— Ты с дуба рухнула?! — рявкнула я в трубку, забыв о приличиях. — Я переводчик технической документации! Какой из меня, к чёрту, психотерапевт?! Я даже кота своего успокоить не могу, когда салюты за окном взрывают!

— Да не надо никого успокаивать! — взмолилась Элина, перекрывая гул турбин на заднем плане. — Ты не слышишь меня?! Он нормальный! В смысле, не буйный псих из клиники, а просто богатый, наглый мужик, которому до лампочки эта терапия! Он проиграл пари! Ему не нужна помощь, ему нужна отметка, галочка, видимость процесса! Он придёт, уткнётся в свой телефон, отсидит сорок минут, чтобы поставить галочку перед другом, и уйдёт!

— Нет. Исключено. Это уголовка, Эля! Подлог, мошенничество…

— Какая уголовка, ты с ума сошла?! Частная консультация! Никаких рецептов на фенобарбитал выписывать не надо! Господи, Поля, умоляю! Если он развернётся и уйдёт со

скандалом, Макс сожрёт меня с потрохами! А у меня кредит! Ты же знаешь, сколько я отдаю за эту гребаную аренду!

Я прикусила губу до солоноватого привкуса, прекрасно зная, как трещат финансовые обязательства, когда каждый месяц из тебя вытряхивают сумму с пятью нулями. Моя собственная однушка с ипотечным ярмом стояла перед глазами немым укором.

— Поля… — голос подруги в трубке дрогнул, став почти плачущим. — Я тебе половину его оплаты переведу. Прямо сейчас, с карты на карту. Ты же говорила, у тебя платёж горит до пятницы? Я закрою два месяца. Слышишь? Только посиди с ним! Пожалуйста!

Сердце глухо, тяжело ударило под ключицей. Два месяца платежей. Спокойных, без панического пересчёта копеек на хлеб и кофе. Это был запрещённый удар ниже пояса.

— Что… что я вообще должна делать? — упавшим голосом спросила я, чувствуя, как земля под ногами начинает опасно крениться.

— Ничего! — в трубке раздался восторженный всхлип. — Надень мои имиджевые очки с полки, твои слишком задротские! Сделай лицо кирпичом — ты же умеешь, когда злишься! Сядь за мой дубовый стол, открой блокнот с логотипом клиники и молчи! Пусть говорит он! Задавай стандартные вопросы: «Что вы чувствуете, когда это происходит?», «Как это отзывается в вашем теле?», «Хотите об этом поговорить?». Покивай, нахмурься, запиши пару каракулей!

Через сорок минут сухо скажи: «Наше время истекло, жду вас в следующий вторник». Всё! Он заберёт чек, отчитается перед другом и забудет дорогу сюда!

— А печать? Он же потребует подтверждение!

— Бланк с моей подписью и круглой печатью лежит в верхнем ящике стола, в синей папке! Я заранее штампанула пачку для страховых! Если будет настаивать — просто впиши его фамилию в графу посещений и отдай копию! Всё официально!

В трубке что-то металлически зашипело, механический женский голос объявил посадку на рейс до Денпасара.

— Мне пора на гейт, связь пропадёт! — скороговоркой выпалила Элина. — Фамилия клиента — Потоцкий! Роман Потоцкий! Поля, ты святая, я куплю тебе килограмм манго и золотой браслет! Всё, люблю, целую, пока!

В ухо ударили короткие гудки.

Я медленно опустила руку с телефоном. Тишина кабинета внезапно показалась мне душной, как в термобарокамере. Ладони стали влажными и холодными.

— Идиотка, — вслух сказала я самой себе, глядя в зеркальную дверцу шкафа. — Какая же ты непроходимая, клиническая идиотка, Полина.

Обратного пути не было. Я подошла к столу, выдвинула верхний ящик — синяя папка действительно лежала там, туго набитая бланками с аккуратным треугольным штампом «Центр психологического консультирования доктора Рома-

новской».

Руки мелко подрагивали. Чтобы унять дурацкий нервный озноб, я подошла к зеркалу, вытащила шпильки из волос и пересобрала пучок — туже, строже, зализав непослушные пряди так, чтобы кожа на висках слегка натянулась. Свои очки в тонкой металлической оправе я убрала в чехол, водрузив на переносицу массивные черепаховые нулёвки Элины. Отражение в зеркале изменилось: вместо загнанного переводчика технических текстов на меня смотрела сухая, строгая и неприступная дама неизвестного возраста. Классическая училка, готовая влепить двойку за малейшую оплошность.

«Просто посидеть сорок минут. Кивать. Спрашивать про тело и эмоции. Забрать деньги за ипотеку. И выставить его за дверь».

Визуализация

Полина Селезнева

Обычная девушка, которая умеет блестяще переводить с немецкого, но совершенно не умеет вовремя прикусить язык в разговоре с опасными мужчинами

Роман Потоцкий

Владелец холдинга, подмявший под себя строительную логистику региона и крупный щебёночный карьер, а также совладелец элитного закрытого бойцовского клуба «Железный кулак» с миллионными ставками. По слухам в сети — бывший спецназовец, с которым конкуренты предпочитают не связываться.

Глава 3

— Ну и долго мы в гляделки играть будем, доктор? Время пошло. Твоё оплаченное время, — усмехнулся Роман, вальяжно откинув голову на спинку кресла.

Кожа под его весом протяжно скрипнула, и этот звук почему-то отозвался у меня в висках тупой, раздражающей пульсацией.

Я медленно, заставляя каждую мышцу подчиняться железному усилию воли, опустилась на кресло. Ноги под столом мелко подрагивали, колени были словно ватные, но спину я выпрямила так, будто проглотила полутораметровую стальную линейку. В горле першило от сухости.

Пальцы сами потянулись к дужке чужих черепаховых очков, поправляя их на переносице — чисто машинальный жест, попытка выстроить хоть какую-то преграду между собой и этим ходячим стихийным бедствием.

— Начнём с регламента, Роман, — мой голос прозвучал удивительно ровно, хотя в грудной клетке сердце молотило как отбойный молоток, отдаваясь в ушах глухими ударами. — Сеанс длится сорок пять минут. Здесь говорите в основном вы, я задаю вопросы, а вы — отвечаете. Если вас это не устраивает, выход прямо за вашей широкой спиной. Деньги можете забрать, я не обеднею.

Наглая ложь про «не обеднею» обожгла язык кислой го-

речью, но вида я не подала. На карту была поставлена моя ипотека, а перед этим типом показывать слабость было равносильно прыжку в вольер к голодному тигру без защитного костюма.

Роман прищурился. Тёмные, глубоко посаженные глаза скользнули по моему лицу, задержались на подбородке, скользнули ниже — по наглухо застёгнутому вороту блузки, под которым бешено колотилась сонная артерия. На его губах снова заиграла эта невыносимая, хищная усмешка.

— Деньги оставь себе, купишь нормальную одежду. А то выглядишь так, будто тебя прямо из архива НКВД телепортировали, — хмыкнул он, лениво переплетая пальцы на груди. — Ладно, заводи свою шарманку. С чего там у вас положено начинать? «Расскажите о своих детских травмах, Ромочка, вас в песочнице лопаткой не били?»

Внутри у меня всё вскипело. Горячая волна злости на секунду вытеснила липкий страх. В памяти лихорадочно всплыли дурацкие напутствия Элины: *«Спрашивай про тело! Спрашивай, что он чувствует!»*

Я взяла ручку, щёлкнула кнопкой — резкий щелчок разрезал тишину кабинета — и уставилась в чистый лист блокнота.

— Лопаткой, судя по вашему перебитому носу, били вас позже и явно не в песочнице, — холодно парировала я, глядя ему прямо в переносицу. — Давайте без дешёвой клоунады. Вы здесь потому, что не умеете держать себя в руках. Рас-

скажите о ситуации с машиной. Что конкретно послужило спусковым крючком?

Роман на мгновение замер. Взгляд его потяжелел, насмешка сползла с лица, сменившись угрюмым, давящим осадком. Было физически ощутимо, как пространство между нами сжалось, воздух стал густым, тяжёлым, словно перед грозовым разрядом.

— Один ублюдок решил, что ему законы не писаны, — глухо уронил он, и низкие обертоны его голоса завибрировали прямо у меня в рёбрах. — Перекрыл выезд со стройплощадки своим корытом, бросил его посреди дороги и пошёл кофе пить. А у меня три миксера с бетоном стоят, смесь схватывается через сорок минут. На полтора миллиона попадалово. Мой бригадир подошёл, по-человечески попросил убрать. Он ему факом перед носом помахал и послал.

— И вы решили, что лучший выход — разнести чужое имущество?

— Я не решил, я сделал, — отрезал Роман, и на его челюсти снова заходили желваки. — Сел в погрузчик и смял его жестяную консервную банку к чертовой матери. Вместе с факом. Зато площадка освободилась, бетон залили вовремя. Вопросы?

Я невольно сглотнула. Картина встала перед глазами так ярко, что у меня перехватило дыхание. Абсолютный, неконтролируемый танк. Человек, у которого между импульсом и действием нет ни миллисекунды сомнения.

— Вопрос один, — я постучала кончиком ручки по столу, стараясь не выдать накатившего озноба. — Что вы чувствовали в тот момент, когда садились в погрузчик?

— Удовлетворение, — оскалился он. — И предвкушение отличного хруста металла.

— А в теле? Как это отозвалось в теле?

Роман вдруг подался вперёд. Одним плавным, обманчиво-ленивым движением он снял ногу с ноги, наклонился через стол и упёрся локтями в край столешницы. Расстояние между нами сократилось вдвое. Меня буквально обдало волной жара от его тела — плотного, живого, подавляющего. В нос ударил резкий холод улицы, смешанный с горьковатой смолой.

— В теле, говоришь? — вкрадчиво переспросил он, понизив голос почти до шёпота.

От этих глухих интонаций по коже вдоль позвоночника метнулись ледяные мурашки. Дыхание предательски сбилось.

— Мышцы забились. Пульс под сто сорок. Зубы так сжало, что эмаль крошилась. А в кулаках — зуд такой, знаешь… когда очень хочется кому-то лицо подправить, чтобы вежливости научить. — Он не мигая вперился в мои глаза, и его тёмные зрачки расширились, почти затопив радужку. — Тебе знакомо такое чувство, доктор? Или ты только по книжкам знаешь, как у нормальных мужиков кровь кипит?

Я заставила себя не отодвинуться, хотя всё моё существо

вопило о том, что нужно вжаться в спинку кресла. Воздух между нашими лицами казался наэлектризованным, как перед ударом молнии. Я видела каждую пору на его тёмной от щетины коже, видела тонкий белый шрам над левой бровью.

— Мне знакомо понятие элементарного самоконтроля, — выдохнула я, чувствуя, как щёки начинает покалывать от разливающегося жара. — У вас, Роман, классический сбой гидравлики. Когда давление в системе шкалит, а предохранительный клапан сорван, потому что владелец слишком ленив или глуп, чтобы вовремя стравливать пар.

Он моргнул. Удивление на его физиономии было настолько неподдельным, что он даже чуть отстранился.

— Сбой… чего бля?

Чёрт. Сметчик во мне снова пробил броню несуществующего психолога.

— Эмоционального давления, — быстро исправилась я, чеканя каждое слово, чтобы скрыть панику. — Вы реагируете как примитивный механизм: перегрузка — взрыв. Вы не решили проблему с водителем, вы просто устроили дорогостоящий погром, за который теперь расплачиваетесь сидением в этом кресле. И судя по тому, как вы сейчас пытаетесь давить на меня массой, этот погром — единственный инструмент коммуникации, которым вы владеете.

Роман молчал несколько секунд. В тишине кабинета громко, навязчиво тикали настенные часы: *тик, так, тик, так*.

А потом он резко подался вперёд, и его тяжёлая ладонь с

оглушительным хлопком опустилась на дубовую столешницу. Я вздрогнула всем телом — подпрыгнула даже стеклянная подставка для ручек, а мой блокнот съехал на край.

— Слышь, зубочистка в очках, — процедил он ледяным, звенящим от бешенства голосом, нависая надо мной так близко, что мне пришлось задрать голову. От его фигуры буквально фонило угрозой — тёмной, давящей, от которой внизу живота всё скрутило в ледяной спазм. — Ты берега-то не путай. Я сюда не за тем пришёл, чтобы какая-то сушёная вобла мне нотации читала. Ещё раз назовёшь меня примитивным — я твой диплом сверну в трубочку и засуну туда, куда у тебя солнце с выпускного не заглядывало. Усекла?

В висках застучало так сильно, что потемнело в глазах. Воздуха катастрофически не хватало. Он был огромный, злой, как цепной пёс, сорвавшийся с поводка, и на секунду мне реально показалось, что он сейчас сгребёт меня за грудки и вышвырнет в окно.

Но следом за липкой волной ужаса в груди вспыхнуло глухое, обжигающее бешенство.

— Вы мне угрожаете? — мой голос сорвался на хрип, но я не отпрянула, вцепившись пальцами в подлокотники кресла так, что ногти больно впились в кожу. Щёки горели огнём. — Какая неожиданность! Прямо подтверждаете мой диагноз в режиме реального времени. Давайте! Начните крушить мебель, орать матом и распускать руки! Если у вас отобрать кулаки и пачку пятитысячных, от вас вообще ничего не оста-

нется!

Мощная грудь Романа Потоцкого резко вздымалась под чёрной водолазкой, ноздри хищно раздувались. Он смотрел на меня в упор — так близко, что я видела тёмные крапинки на радужке его глаз. Казалось, ещё секунда — и он взорвётся.

Когда он медленно протянул руку, я замерла, не давая себе зажмуриться, ожидая удара или грубого захвата, но его жёсткие пальцы лишь с силой сжали мой подбородок, задирая лицо выше. Кожу обожгло его прикосновением, по шее вниз побежал предательский, парализующий ток.

— Недотраханная, злая училка, — выдохнул он мне прямо в губы, сжимая челюсти так, что заходили желваки. — Давно тебя мужик к стенке не прижимал, да? Сидишь тут, застегнулась на все пуговицы, и ядом плюёшься, потому что самой себе тошно.

Я резко мотнула головой, вырывая подбородок из его хватки, и испепелила его взглядом, задыхаясь от ярости и унижения.

— Уберите от меня свои руки!

Кожа на подбородке до сих пор горела от его жёстких пальцев. Сердце колотилось где-то в горле, перекрывая кислород, а ладони под столом стали ледяными и влажными. Но отступать было нельзя — стоило сейчас сжаться в комок, и он сожрёт меня с потрохами.

Я заставила себя выпрямиться, судорожно вцепившись в ручку, словно в спасательный круг, и резко щёлкнула кноп-

кой. Звук вышел сухим и отчётливым.

— И раз уж вы так гордитесь своим «животным» темпераментом, Роман, ответьте на вопрос по существу, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза сквозь чужие стёкла очков. — Как именно вы обычно сбрасываете свою агрессию, когда под рукой нет погрузчика и чужой машины? Пьёте в одиночку или колотите кулаками в стены?

Роман на мгновение замер, всё ещё нависая над столом. Его зрачки сузились, в тёмной глубине глаз мелькнуло откровенное изумление — он явно не ожидал, что после угрозы и грубого захвата я просто возьму и продолжу допрос.

Он медленно, с ленивой, хищной грацией усмехнулся, обводя взглядом моё напряжённое до предела тело.

— Стены скучные, доктор. Они сдачи не дают, — глухо, с вибрирующей хрипотцой уронил он, не спеша отстраняться. — Я предпочитаю живые груши. Желательно килограммов под сто, чтобы удар держали, кости хрустели и вкус крови на зубах чувствовался. Отлично прочищает башку от лишнего мусора. Ну или… — его взгляд нагло скользнул вниз, задержавшись на глухом вороте моей блузки, под которым бешено пульсировала жилка, — могу в горизонтальной плоскости пар спустить. Только боюсь, от подробностей этого метода у тебя твои стекляшки на носу лопнут.

Внизу живота противно и сладко ёкнуло, а к щекам снова прилил обжигающий жар. Я стиснула зубы так, что свело скулы, не позволяя себе ни покраснеть сильнее, ни отвести

взгляд.

— Мордобой и случайные связи — это не решение проблемы, — ледяным тоном проговорила я, демонстративно чиркнув что-то в блокноте, хотя строчка вышла кривой из-за мелкой дрожи в пальцах. — Вы не умеете проживать злость, вы просто глушите её физиологией. Записываю: «полное отсутствие навыков конструктивной разрядки».

Напряжение в кабинете натянулось до звона, готовое лопнуть.

Роман выпрямился, но от стола не отошёл. Его взгляд скользнул по моим пылающим щекам, задержался на приоткрытых, дрожащих от злости губах, потом снова метнулся к глазам за стеклами очков. В этом взгляде больше не было глухой злобы — там вспыхнул острый, голодный мужской азарт. Опасный, как открытый огонь рядом с канистрой бензина.

— А ты забавная, — протянул он, и его губы тронула медленная, ленивая улыбка. — Злая, мелкая, но держишься. Другая бы уже слезами умылась или охрану вызвала.

— Я выполняю свою работу, — отрезала я, чувствуя, как под столом пальцы сводит судорогой от напряжения.

— Ну так выполняй дальше. Спрашивай ещё что-нибудь. Я прямо втянулся. Давай, доктор, покопайся во мне. Посмотрим, до чего ты там дороешься, пока у тебя дыхалка не закончится.

— На сегодня достаточно, — я демонстративно закрыла

блокнот, пряча дрожащие руки под стол, и взглянула на настенные часы. Стрелка замерла на без двадцати пять. — Ваши сорок пять минут истекли.

Роман некоторое время продолжал буравить меня взглядом, в котором читалось откровенное, насмешливое превосходство. Затем медленно, с грацией сытого хищника поднялся на ноги. Тень от его фигуры снова накрыла весь стол.

— Бланк, — коротко бросил он, кивнув на лежащую на краю папку.

Я торопливо вытащила плотный лист с уже стоящей печатью Элины, вписала в графу посещений «Потоцкий Р. А.», поставила сегодняшнюю дату и размашисто расписалась. Рука предательски дрогнула на последнем завитке, оставив кривую черту.

Потоцкий забрал листок двумя пальцами, даже не взглянув на него, и небрежно сунул во внутренний карман куртки. Потом шагнул к двери, но в самом проёме остановился и обернулся через плечо. Его взгляд снова мазнул по моей фигуре — цепкий, оценивающий, от которого внутри всё стянуло тугим узлом.

— В четверг в то же время, — сказал он низким, вибрирующим голосом, не оставляющим права на возражение. — И причёску смени, доктор. Тебе не идёт эта дурацкая училка. До четверга.

Глава 4

Замок щёлкнул тихо, почти вежливо, но у меня внутри всё оборвалось так, будто за спиной с грохотом рухнула бетонная плита.

Я сидела, вжавшись лопатками в жёсткую кожу кресла, и несколько секунд вообще не могла заставить себя вдохнуть. Лёгкие словно склеились изнутри. В ушах стоял тонкий, противный звон, сквозь который мерно, тяжёлыми глухими ударами колотилось собственное сердце: *тук-тук, тук-тук, тук-тук*. Кончики пальцев заледенели до покалывания, а между лопатками по позвоночнику медленно поползла неприятная, липкая дорожка холодного пота.

— Псих, — выдохнула я в звенящую пустоту, и мой собственный голос прозвучал чужим, сорванным. — Абсолютный, ненормальный, клинический псих.

Я медленно подняла дрожащую руку и стянула с переносицы тяжёлые черепаховые очки Элины. На коже тут же заныли два красных вдавленных следа. Швырнув бесполезную пластмассу на стол, я уставилась на толстую пачку пятитысячных купюр, прижатую тугой аптечной резинкой прямо поверх моих распечаток про гидравлические приводы.

Оранжевые корешки выглядели вызывающе ярко на фоне стерильного порядка кабинета. В этой пачке лежала моя свобода от коллекторов, два закрытых месяца просроченной

ипотеки и спокойный сон без ночных кошмаров о судебных приставах. Вот только при взгляде на эти деньги к горлу подкатывала кислая, тошнотворная волна. Будто я не честно заработала, а стащила кошелёк у спящего в клетке медведя — и медведь при этом всё видел, просто решил пока не откусывать мне голову ради забавы.

— Идиотка, — сипло выдохнула я в звенящую пустоту кабинета. Собственный голос показался чужим, шершавым, словно наждачка. — Господи, Полина, какая же ты непроходимая идиотка…

Скулы до сих пор ныли от того, как сильно я сжимала зубы последние полчаса, а на подбородке словно всё ещё горел невидимый след от его жёстких, горячих пальцев. От одного воспоминания об этом прикосновении по шее снова пробежал предательский ток, заставив меня передёрнуть плечами.

Я схватила со стола телефон. С нашего прошлого разговора с Элиной не прошло и часа — она звонила перед самой посадкой, значит, ни на какое Бали она ещё не прилетела и дрыхнуть в шезлонге никак не могла. Либо сидит сейчас в самолёте, либо торчит в душном зале ожидания, заливая панику игристым.

Я ткнула в вызов по мессенджеру.

Гудки тянулись невыносимо долго. Один, второй, третий… Если она сейчас включила авиарежим, я клянусь, найду способ достать её даже на высоте десяти тысяч метров.

На пятом гудке связь наконец щёлкнула. В динамик во-

рвался глухой гул аэропорта, лязг тележек, объявление о посадке на иностранном языке и сдавленное, нервное дыхание подруги.

— Полинка?! — вместо приветствия зашипела Элина так громко, что у меня заложило ухо. — Господи, слава богу! Тут вай-фай через пень-колоду ловит! Ну что?! Пронесло?! Он ушёл?!

— Ушёл, Эля, — ровным, мёртвым голосом ответила я, чувствуя, как внутри начинает закипать глухое бешенство. — Можешь допивать своё просекко. Дверь, правда, чуть с петель не вынес и орал так, что у твоих орхидей листья пожухли.

На том конце провода раздался долгий, судорожный выдох облегчения, переходящий в истерический смешок.

— Ой, зайка моя… я чуть не поседела, была как на иголках! Ну всё, выдыхай! Ты мой ангел-хранитель! Он свалил и мы можем забыть его как страшный сон! Я тебе прямо сейчас переведу половину…

— Он не свалил с концами, Эля, — перебила я её ледяным тоном.

В трубке мгновенно стихли все смешки. Остался только фоновый шум чужого терминала и напряжённая тишина.

— В смысле… не свалил? — осторожно переспросила подруга.

— В прямом. Твой «нормальный мужик, которому нужна только галочка» швырнул на стол оплату за весь курс из

десяти сеансов. Отсидел от звонка до звонка, вытрепал мне все нервы и заявил, что придёт в четверг в четыре часа. И будет ходить все десять раз, пока не получит свою заветную подпись для спора с другом.

Пауза затянулась. Я слышала, как на том конце провода Элина судорожно втянула воздух, а потом в трубке раздался сдавленный, панический писк:

— Десять сеансов?.. Поля, ты шутишь? Какие десять сеансов?! У меня билеты через две недели!

— Вот именно, Воронина, — я встала из-за стола, потому что сидеть больше не было сил: ноги гудели, спину ломило от напряжения, и я принялась мерить шагами мягкий ковёр кабинета. — Десять сеансов дважды в неделю — это пять недель. Даже когда ты вернёшься с океана и выйдешь на работу, ты не сможешь сесть в это кресло и принять его вместо меня. Если Потоцкий придёт и увидит вместо меня тебя, он будет очень озадачен.

— Б-б-боже… — голос Элины задрожал мелкой, жалкой дробью, вся её курортная эйфория испарилась без следа. — Нет, нет, нет… Поля, это катастрофа! Если он поймёт, что его водили за нос, ты не представляешь, что будет! Макс меня сожрёт! Меня лишат лицензии и повесят мошенничество в особо крупном. Я в жизни больше ни одного клиента не приму!

— Эля, послушай меня внимательно — резко остановилась я посреди комнаты, сжимая телефон так, что пластик

корпуса скрипнул под пальцами. Холодный ужас первых минут окончательно сменился злой, трезвой ясностью. — Я тебя один раз выручила. По-дружески, потому что у тебя горело, потому что твоя администраторша облажалась, а я случайно оказалась в твоём кабинете. Но дальше — извини, подруга, но я пас.

— Поля…

— Не перебивай! — отрезала я, чувствуя, как к щекам снова приливает горячая кровь. — Мы подруги, да, я тебя люблю, но нельзя всё время прикрываться моей спиной! Я переводчик, Эля! Я сижу дома, перекладываю немецкие слова в русские и никого не трогаю! Я не подписывалась пять недель изображать психотерапевта перед мужиком, который при мне хвастался, как сминает чужие машины погрузчиком и ломает людям кости на ринге! Звони своему Максу, придумывай срочную операцию, командировку на Северный полюс, что угодно — возвращай деньги и закрывай эту лавочку!

В трубке послышался громкий, судорожный всхлип. Элина явно металась по залу ожидания, потому что на фоне застучали её каблуки по плитке.

— Да не могу я вернуть деньги, Полька! Если я сейчас начну юлить и отменять курс, Макс начнёт выяснять! Он поднимет записи с камер в бизнес-центре, чтобы проверить, кто вообще принимал его друга сегодня! И увидит тебя!

— Ну и что? Скажешь, что я стажёр или ассистент!

— Какой стажёр, дура?! Ты сама сказала, что выписала ему официальный бланк с моей печатью и своей подписью! — голос Элины сорвался на визгливый, отчаянный шёпот. — Ты понимаешь, что это такое?! Если это вскроется, по статье пойду не только я за мошенничество! Пойдёшь и ты! За незаконную медицинскую деятельность, за подлог документов и шарлатанство без диплома! Думаешь, Потоцкий с Максом тебя пожалеют, когда поймут, что какая-то девка с улицы брала с них бабки и копалась в башке у совладельца холдинга?! Да они тебя в порошок сотрут! У тебя не то что однушку заберут — ты на адвокатов до пенсии работать будешь!

Слова подруги ударили под дых, выбивая из лёгких весь воздух. Я замерла у книжного стеллажа, уставившись в корешки толстых энциклопедий, и почувствовала, как по рукам снова поползли колючие, ледяные мурашки.

Она была права. Чёрт бы её побрал, была абсолютно, стопроцентно права. Я сама своими трясущимися руками поставила размашистую закорючку на бланке клиники, сама взяла пачку наличных, сама сидела в этом кресле перед камерами коридора. Обратного пути не существовало с той самой секунды, как я решила «проучить хама» вместо того, чтобы сразу сознаться в ошибке.

— Ты меня подставила, Эля, — глухо произнесла я, чувствуя во рту противный металлический привкус. — Прям по-крупному.

— Полечка, милая, прости меня, ради всего святого! — затараторила она, уловив в моём голосе слабину. — Я клянусь, я всё компенсирую! Я тебе отдам половину от всей суммы за десять сеансов! Слышишь?! Это триста тысяч! Ты закроешь свою чёртову ипотеку на полгода вперёд, забудешь про коллекторов, купишь себе нормальное пальто! Тебе нужно продержаться всего девять встреч! По сорок пять минут! Я тебе прямо сегодня ночью скину все методички, готовые протоколы, список вопросов — ты будешь сидеть с умным видом и читать с листа! Он же просто злой качок, он в жизни не отличит гештальт от когнитивки! Пожалуйста, Поля, не топи нас обеих!

Я прикрыла глаза, прислонившись лбом к прохладному стеклу книжного шкафа. Внутри всё ныло от бессилия и злости на саму себя. «Злой качок», как же. Этот «качок» за полчаса считал меня как открытую книгу, поймал на техническом сленге и смотрел так, будто видел насквозь каждую мою жалкую попытку казаться строгой. Выдержать ещё девять таких раундов — всё равно что девять раз зайти в клетку с тигром, вооружившись пластиковой линейкой.

Но мысль о судах, уголовной статье и потере единственной квартиры давила тяжелее любого страха.

— Ладно, — процедила я сквозь стиснутые зубы, чувствуя, как на плечи опускается невидимая бетонная плита. — Ладно, Элька.. Я доведу этот гребаный цирк до конца. Но знай: когда ты вернёшься, ты мне будешь должна по гроб

жизни.

— Господи, Поля, ты лучшая! Слушай меня внимательно, записывай, что нужно сделать до четверга: во-первых, скачай…

Элина продолжала возбуждённо тараторить в трубку, но я вдруг перестала разбирать её слова.

Ручка двери резко дёрнулась вниз, полотно распахнулось настежь — и на пороге, загородив собой весь проём, снова возник Роман Потоцкий.

Глава 5

Роман шагнул через порог, прикрыл за собой массивную дубовую дверь и прислонился к ней плечом, скрестив руки на груди. Его лицо выглядело иначе: на нем не осталось никакой ленивой вальяжности, скулы заострились, под тёмной щетиной ходили желваки, а взгляд цепко, по-хозяйски прощупал весь кабинет и упёрся в моё лицо.

— А где стекляшки, доктор? — хмыкнул он, медленно отлепляясь от двери и делая два тяжёлых шага к столу. — Рабочий день закончился, и злая училка сняла маску?

У меня внутри всё натянулось, как перекрученная струна. Без чужих черепаховых очков я чувствовала себя так, словно вышла на перестрелку в ночной рубашке: ни барьера, ни привычной защиты, только собственное колотящееся под ключицей сердце, от ударов которого мелко вибрировал шёлк блузки.

— Устали глаза, — сухо отчеканила я, заставляя спину выпрямиться до хруста в позвонках. — И насколько я помню, Роман, мы попрощались до четверга. Вы что-то забыли? Следующий приём через три дня.

— До четверга долго, — глухо уронил он.

Он подошёл вплотную к столу. Снова навис, перекрывая свет от потолочных ламп, отчего по краю столешницы легла густая тень. В нос ударил колючий уличный холод, смешан-

ный с горьковатым дымом и чем-то тяжёлым, мужским — таким плотным, что у меня мгновенно запершило в горле, а кончики пальцев заледенели.

— Я спустился в паркинг, завёл тачку, — тихо, с угрожающей хрипотцой продолжил Потоцкий, упираясь костяшками пальцев в дуб, — и понял, что меня до сих пор трясёт от твоей наглой рожи. Сидит тут пигалица метр с кепкой и диагнозы мне раздаёт. «Примитивный механизм», «дешёвый пластырь», «не умеете проживать злость». Ты, доктор, пороху в жизни не нюхала, а берёшься судить, как мужику пар спускать.

— Я делаю выводы на основе фактов, — голос предательски дрогнул на последнем слоге, но я тут же сжала зубы, возвращая интонации ледяной металл. — И ваше внезапное возвращение без записи только подтверждает мою правоту. У вас проблемы с границами, Роман. Вы не умеете принимать отказ и слышать слово «нет».

— Я вообще хреново воспринимаю слова от тех, кто дальше своего душного кабинета носа не высовывает, — оскалился он. В глубине его тёмных глаз вспыхнул знакомый, опасный огонёк — азарт зверя, который решил не просто загнать добычу, а поиграть с ней. — Собирайся.

Я моргнула. На секунду показалось, что я ослышалась.

— Простите?

— Собирайся, говорю. Куртку накидывай. Поедем, я тебе на практике покажу, как «примитивный механизм» работа-

ет. Раз уж ты взялась меня лечить, изучай пациента в естественной среде обитания.

В груди что-то ухнуло вниз, обдав желудок ледяной волной. Мозг сработал мгновенно, выдав десяток самых мрачных сценариев: пустырь за городом, промзона, чёрный джип, из которого не выберешься, если дверцы заблокируют.

— Вы в своём уме? — я резко отступила на шаг к окну, упираясь поясницей в подоконник так, что горшок с несчастной орхидеей Элины опасно качнулся. — Никуда я с вами не поеду! Это нарушение профессиональной этики и, на секунду, похищение человека! У меня через двадцать минут следующий клиент!

Роман усмехнулся — коротко, беззвучно, только уголок губ дёрнулся вверх.

— Врёшь, доктор. Причём врёшь бездарно, у тебя сразу левая бровь ползёт вверх. Я на первом этаже у стойки охраны журнал проверил, пока вниз спускался — твоя администраторша свалила ещё в обед, а на весь вечер в твоём графике прочерк. Пусто. Так что либо ты сама сейчас берёшь свою сумку, либо я забираю тебя как есть. В одном пиджачке. На улице минус пять, между прочим.

У меня перехватило дыхание. Этот «тупой качок», как назвала его Элина, не поленился заглянуть на ресепшен и проверить журнал. Паника кольнула под рёбрами острым шилом, но следом за ней, как по команде, вспыхнула глухая, обжигающая злость.

— Попробуйте только прикоснуться ко мне, Потоцкий! — прошипела я, вскидывая подбородок. — Я такой крик подниму, что весь бизнес-центр сбежится! Вы потом от полиции не откупитесь!

— Ори, — равнодушно пожал широченными плечами Роман, обходя дубовый стол с такой обманчивой, хищной ленью, что я даже не сразу поняла, с какой стороны он зайдёт. — Половина оперов из районного отдела в моём клубе бесплатно груши колотит. Приедут, автограф попросят и тебя же за ложный вызов оформят.

Я рванула вдоль стены к двери, рассчитывая проскочить мимо него, пока он не развернулся, но куда там. Пространство кабинета схлопнулось за секунду.

Его ладонь перехватила меня за талию с такой лёгкостью, словно я весила не больше стопки тех самых немецких мануалов. Вторая рука в ту же секунду сдёрнула с вешалки у двери моё серое шерстяное пальто.

— Пустите! Вы совсем рехнулись?! — выдохнула я, упираясь ладонями ему в грудь.

Под тонкой тканью чёрной водолазки мышцы оказались твёрдыми, как литой чугун, и обжигающе горячими. От удара моих ладоней он даже не покачнулся — только глухо хмыкнул где-то над самой моей макушкой, накинул мне пальто прямо на плечи и, прежде чем я успела вывернуться или заехать ему каблуком по голени, сгреб меня в охапку и легко, без малейшего усилия приподнял над полом, переки-

нув через плечо.

Воздух выбило из лёгких мгновенно. Пол ушёл из-под ног, потолок и люстра перевернулись местами, а юбка тут же предательски задралась выше колен.

— Потоцкий, вашу машу! Поставьте меня немедленно! — задохнулась я от ярости и унижения, колотя кулаками по его каменной спине. Костяшки пальцев тут же заныли от боли — бить его было всё равно что молотить по бетонной свае. — Я вас засужу!

— Ногами не дрыгай, а то каблуком мне почку отобьёшь, придётся потом в больничку апельсины носить, — абсолютно спокойным, ровным басом отозвался он, одной рукой намертво прижимая мои бёдра к своему плечу, а второй — подхватив с вешалки мою сумку и распахнув дверь в коридор.

В гулком, выложенном керамогранитом холле, к счастью, не оказалось ни души. Но мысль о камерах видеонаблюдения под потолком обожгла меня стыдом почище кипятка: строгий «доктор» едет к лифту вниз головой на плече у собственного пациента, размахивая узкой серой юбкой.

— Опустите меня! — прошипела я ему прямо в лопатку, чувствуя, как к лицу приливает жар, а в висках бешено стучит кровь. — Я сама пойду! Слышите?! Вы мне рёбра сломаете!

Роман остановился у зеркальных створок лифта, нажал кнопку вызова и только тогда, с ленцой, медленно спустил меня на ноги, не разжимая, впрочем, железной хватки на мо-

ём предплечье.

Я качнулась на тонких каблуках, судорожно втянула воздух, одёрнула юбку и вскинула на него взгляд, в котором, наверное, можно было плавить сталь. Щёки пылали огнём, из тугого «учительского» пучка выбились две каштановые пряди, щекоча шею, а сердце молотило о рёбра так, что дышать получалось только рывками.

Двери лифта мягко разъехались. Роман буквально внёс меня внутрь, шагнул следом и нажал кнопку минус второго этажа.

В тесной зеркальной кабине сразу стало невыносимо душно. Его плечи занимали половину пространства; в отражении напротив я выглядела рядом с ним нелепой, взъерошенной вороной в наброшенном наспех пальто.

— Вы ненормальный, — выдохнула я, вжимаясь спиной в холодный металлический поручень и глядя на его отражение. — Вы понимаете, что переходите все границы? Я не ваша игрушка, Роман!

— А я с игрушками не разговариваю, — он повернул голову, и его тёмный взгляд скользнул по моему раскрасневшемуся лицу, задержался на приоткрытых губах, потом опустился к выбившимся из причёски прядям. — Видишь, доктор, сразу человеком стала. А то сидела там, как мумия забальзамированная. Даже интереснее стало.

Лифт мягко дёрнулся и остановился в подземном паркинге.

Холодный бетонный воздух ударил в лицо, стоило дверям открыться. У самой колонны, хищно поблёскивая в свете люминесцентных ламп матово-чёрными боками, стоял огромный, угловатый внедорожник.

Роман не дал мне ни секунды на раздумья: держа меня за локоть тёплой, жёсткой ладонью, он подвёл меня к пассажирской двери, дёрнул ручку и кивнул на высокое сиденье.

— Залезай.

— А если я откажусь?

— Тогда снова поедешь через плечо. Только на этот раз я даже юбку тебе поправлять не буду.

Стиснув зубы так, что заныли скулы, я забралась в салон, кое-как просунув руки в рукава пальто. Кожаное кресло обожгло бедра холодом, но уже через секунду под тканью юбки заструилось приятное тепло — заработал подогрев.

Роман обошёл капот, с глухим стуком захлопнул водительскую дверь и завел машину. Под капотом утробно, хищно зарычал мощный двигатель; вибрация от него мгновенно пошла по полу, отдаваясь лёгкой дрожью в моих коленях.

Прежде чем тронуться, Потоцкий вдруг перегнулся через центральный подлокотник. Я инстинктивно вжалась в спинку сиденья, затаив дыхание, когда его лицо оказалось в паре сантиметров от моего. От его тела пыхало сухим, концентрированным жаром. Он дёрнул ремень безопасности, протянул его через мою грудь — его предплечье едва ощутимо задело мой подбородок, оставив на коже колючий электри-

ческий след — и с сухим щелчком застегнул замок.

— Пристёгиваться надо, доктор, — усмехнулся он мне в самые губы, прежде чем вернуться за руль. — Поедем с огоньком.

Глава 6

Он не соврал. Тяжёлый внедорожник вырвался из подземного паркинга с таким рёвом, будто под капотом сидела свора разъярённых цепных псов. Вылетев на вечерний проспект, Роман тут же вклинился в плотный поток, перестраиваясь резко, нагло, без лишних сантиметров запаса. Встречные фары полосовали полумрак салона резкими белыми вспышками, выхватывая из тени его профиль — жёсткий, хищный, с тонким белым шрамом над бровью и расслабленными, уверенными пальцами на толстом ободе руля.

Моя правая рука намертво вцепилась в ручку над дверью, а левая впилась в ремень на груди. Сердце колотилось где-то в районе кадыка.

— Вы… вы специально это делаете?! — выдавила я, когда мы на огромной скорости прошили узкое пространство между грузовиком и такси. — Вы пытаетесь меня запугать, чтобы вернуть себе ощущение контроля после того, как я указала на вашу эмоциональную незрелость! Это называется гиперкомпенсация!

В салоне повисла секунда тишины, а потом Роман расхохотался. Это был глубокий, грудной, вибрирующий смех, от которого у меня в ушах зазвенело, а по позвоночнику против воли пробежала горячая волна.

— Блядь, да ты неугомонная, — выдохнул он, бросая на

меня короткий, блестящий от азарта взгляд. — Тебя в тачке на сто двадцати несут в неизвестном направлении, а ты мне лекции читаешь! Не ссы, пигалица, я за рулём с четырнадцати лет, ни одной царапины.

— Не выражайтесь, — автоматически огрызнулась я, хотя пальцы на ручке побелели до судороги. — И я не боюсь. Просто констатирую примитивность ваших защитных реакций.

— Ну-ну. Посмотрим, что ты законстатируешь через десять минут.

Через десять минут мы свернули с освещённого проспекта в глухой, заснеженный переулок бывшей промзоны, где тянулись длинные корпуса из старого красного кирпича. Ни неоновых вывесок, ни одной яркой афиши — только тяжёлые глухие ворота, пара припаркованных у входа дорогих тонированных седанов и двое здоровенных охранников в чёрных пуховиках у массивной металлической двери.

Роман заглушил двигатель. Внезапная тишина в салоне показалась оглушительной; слышно было только, как неровно, сбивчиво я дышу.

— Вылезай, доктор. Приехали.

Когда я спустилась на утоптанный снег, каблуки тут же предательски скользнули, но тяжёлая горячая ладонь Потоцкого мгновенно подхватила меня под локоть, удерживая на ногах с такой естественной, небрежной силой, словно я была фарфоровой статуэткой.

— Вечер добрый, Роман Александрович, — синхронно кивнули охранники у входа, с нескрываемым, откровенным изумлением уставившись на меня — бледную, в строгом сером пальто, с растрёпанным пучком и сжатыми в нитку губами.

— Здорово, парни. Макс приехал?

— Так точно, в VIP-зале уже, с тренером перетирает.

Имя ударило в виски тупым, ледяным обухом. Макс. Максим Ветров. Тот самый друг, который затеял весь этот идиотский спор, и инвестор Элины, который оплачивал ремонт клиники и знал настоящую Воронину в лицо.

Внутри всё мгновенно оборвалось, рухнув куда-то в холодную пустоту под рёбрами. Морозный воздух вдруг стал колючим, обжигающим — я попыталась вдохнуть, но лёгкие словно склеились. Если я сейчас переступлю порог этого здания и столкнусь нос к носу с Максимом, весь спектакль рухнет за три секунды. Прямо там, на глазах у этих перекачанных громил — с позором, скандалом и реальной уголовной статьёй за подлог.

Здравый смысл отключился, оставив только чистый, животный инстинкт самосохранения.

Пока Роман на долю секунды отвлёкся, кивая второму охраннику и протягивая руку к тяжёлой стальной двери, я резко дёрнула локоть, вырываясь из его ослабевшей хватки, крутанулась на месте и рванула обратно — к тёмному выезду из промзоны, к проспекту, куда угодно, лишь бы подальше

отсюда.

Каблуки предательски поехали по раскатанному снегу. Я едва не завалилась набок, судорожно взмахнула руками, ловя равновесие, и успела сделать от силы три скользящих, панических шага.

— Эй, ты куда намылилась, бегунья?

Не успела я даже вскрикнуть, как железная рука перехватила меня поперёк талии прямо поверх шерстяного пальто, с лёгкостью оторвала от земли и рывком впечатала спиной в широкую, обжигающе горячую грудь.

Я задохнулась, вцепившись пальцами в его жёсткое предплечье, пытаясь разжать стальной захват, но с тем же успехом могла бы ковырять ногтями бетонную сваю.

— Пустите! — сипло выдохнула я, чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, перекрывая голос. — Я не пойду туда! Мне… мне нельзя! У меня давление, мне плохо, я домой поеду!

— Давление у неё, — глухо хмыкнул Потоцкий мне в самую макушку, даже не запыхавшись, и чуть сильнее сжал рёбра, не давая дёрнуться. Охранники у входа тактично отвели глаза в сторону, старательно делая вид, что изучают ночное небо. — Не свисти, доктор. Секунду назад у тебя со здоровьем всё в порядке было, пока про Макса не услышала. Вы кажется с ним знакомы.

У меня похолодели кончики пальцев. Признаться сейчас — значит подписать себе приговор прямо на этом гряз-

ном снегу. Продолжать брыкаться на тонких каблуках против девяноста килограммов тренированных мышц — просто смешно.

Я замерла. Липкая, колючая паника вдруг схлынула, оставив после себя странную, звенящую пустоту и усталое безразличие. Внутри словно щёлкнул тумблер: всё, приехали. Из закрытого двора на шпильках не сбежишь, сквозь землю не провалишься. Будь что будет. Если суждено сегодня сгореть со стыда и отправиться под суд — значит, так тому и быть.

— Просто не люблю посторонних зрителей на работе, — обреченным голосом сказала я, переставая вырываться и опуская руки. — Но раз уж вы всё равно тащите меня за шкирку, как нашкодившего котёнка, — разжимайте клешни, Потоцкий. Сама пойду.

Роман секунду молчал, буравя взглядом мое лицо, словно проверял, не выкину ли я ещё какой-нибудь фокус. Потом медленно разжал руку на моей талии, но ладонь с плеча не убрал — тяжёлую, горячую, контролирующую каждое моё движение.

— Вот и умница, — тихо усмехнулся он. — Не дёргайся, я тебя в обиду не дам.

Роман толкнул тяжёлую стальную дверь, и меня тут же обдало густым, жарким, вибрирующим гулом.

Это не было похоже ни на один фитнес-центр, который я видела. Огромный ангар с высокими потолками, голым

серым бетоном стен и открытыми балками перекрытий. В центре, залитый беспощадным белым светом прожекторов, возвышался восьмиугольный ринг-клетка, обтянутый чёрной сеткой. Вокруг висели тяжёлые кожаные мешки, пахло потом, резиной матов, железом и разогревающей мазью. Глухо, ритмично долбили басы из колонок, перемежаясь резкими выкриками тренеров и тяжёлыми, влажными шлепками перчаток о груши.

Человек пятнадцать — сплошь перекачанные, татуированные мужики в шортах и сбитых бинтах на кулаках — на секунду замерли, провожая нас взглядами. В этом царстве тестостерона, пота и сломанных носов я со своей юбкой до колена и шёлковым воротничком под самое горло выглядела так, будто случайно выпала из портала прямиком с заседания филологического факультета.

Роман, даже не сбавляя шага, повёл меня мимо ринга к металлической лестнице на второй ярус, но на полпути вдруг притормозил, склонился к самому моему уху, перекрывая грохот ударов по мешкам, и положил широкую, обжигающе горячую ладонь мне на поясницу, притягивая на полшага ближе к себе.

— Добро пожаловать в мой процедурный кабинет, доктор, — низко, с хищным, довольным рокотом выдохнул он мне в висок, отчего по коже вдоль шеи тут же брызнули колючие мурашки. — Продержишься здесь два часа и не сбежишь — в четверг сам приду к тебе в пиджачке и буду слушать твою

чушь хоть про детство, хоть про границы. Идёт?

Глава 7

Спускаться по узкой металлической лестнице обратно в гудящий ангар оказалось ничуть не легче, чем подниматься наверх. Только теперь вместо ледяного ужаса перед разоблачением у меня под рёбрами ворочалось тугое, тяжёлое раздражение.

Каблуки противно лязгали о решётчатые ступени, а грохот басов и влажные, пушечные удары перчаток о кожаные груши отдавали мелкой вибрацией прямо в икры. Роман шёл на полшага сзади, не выпуская мой локоть из тёплой, жёсткой ладони — словно конвоир, который вроде бы и не тащит нарушителя за шиворот, но побег пресечёт за долю секунды.

— Куда вы меня ведёте? — сквозь зубы бросила я, стараясь не смотреть на то, как под тонкой тканью его чёрной водолазки при каждом шаге перекатываются литые мышцы спины. — Если вы рассчитываете, что я буду сидеть на трибуне и восторженно хлопать в ладоши, то зря потратили бензин.

— Не льсти себе, доктор, — хмыкнул Потоцкий, даже не обернувшись. — Трибуны для зрителей. А ты у меня на ставке. Будешь сидеть у самой сетки и записывать в свой блокнотик, где у меня там «предохранительный клапан» сорвало.

Он провёл меня мимо ряда тяжеловесных груш, которые раскачивались на толстых цепях под потолком, прямо к за-

литому беспощадным белым светом прожекторов восьмиугольнику. У самого входа в клетку стояла длинная деревянная скамья, заваленная спортивными сумками, бутылками с водой и полотенцами. Рядом, привалившись плечом к стальной стойке ограждения, стоял коренастый мужчина лет сорока — с бритым затылком, сломанными ушами и таким выражением лица, будто он на завтрак пережёвывает гвозди.

— Артур, дай пару раундов, — коротко бросил Роман, останавливаясь у скамьи и наконец разжимая пальцы на моём локте. — Надо башку проветрить.

Тяжеловес перевёл тяжёлый, оценивающий взгляд с Потоцкого на меня — на мой глухой ворот блузки, юбку до колена и шпильки — и едва заметно дёрнул уголком губы.

— Без проблем, Саныч. В накладках поработаем или в бинтах?

— В бинтах. Быстро.

— Садись, доктор, — кивнул мне Роман на край скамьи, и его голос прозвучал так, что спорить было бессмысленно. — И смотри в оба. Раз уж взялась лечить — изучай материал.

Я медленно опустилась на тёплое, отполированное сотнями тренировок дерево, положила сумку на колени и скрестила пальцы, заставляя спину выпрямиться. Внутри всё натянулось, как струна перед обрывом.

А в следующую секунду Роман одним слитным, небрежным движением перехватил край чёрной водолазки у затылка и стянул её через голову.

У меня в груди буквально перехватило дыхание. Воздух застрял где-то в гортани, превратившись в горячий комок.

Я и раньше понимала, что он здоровый — видела, как он перекрывает собой весь дверной проём кабинета. Но видеть это вживую, в двух метрах от себя, под ярким светом софитов — оказалось совсем другим испытанием. Широченные, развёрнутые плечи, рельефные бугры мышц на спине и груди, которые перекатывались под смуглой кожей при каждом вдохе. Через левое ребро тянулся старый, белёсый рваный шрам, а оба предплечья от запястий до локтей были забиты плотным, хищным чёрным орнаментом. От него буквально пыхало жаром и такой первобытной, концентрированной мощью, что у меня под ребрами противно заныло, а пальцы на ремешке сумки побелели.

Потоцкий, словно не замечая моего ступора — или, наоборот, прекрасно его считывая, — сел на другой край скамьи, достал из сумки два мотка чёрных бинтов и начал наматывать их на кулаки. Быстро, жёстко, с отточенной привычкой человека, который делал это тысячи раз.

— Ну что молчишь? — усмехнулся он, не поднимая головы и ловко пропуская плотную ленту между пальцами. — Где твои умные термины? Давай, заряжай, пока я не зашёл в октогон.

— Мне не нужно ничего заряжать, Роман, — мой голос прозвучал на полтона тише, чем хотелось бы, и я тут же кашлянула, возвращая ему привычный ледяной металл. — Вы

сейчас собираетесь бить живого человека, чтобы заглушить собственное раздражение. Это лишь подтверждает мой первичный вывод: без физического насилия ваша психика не справляется с нагрузкой.

Роман замер. Поднял на меня тёмный, прищуренный взгляд, затянул липучку на запястье зубами и медленно поднялся на ноги. Теперь он нависал надо мной почти вплотную — огромный, полуобнажённый, с ленивой и невероятно опасной ухмылкой на лице.

— А ты, я смотрю, бессмертная, пигалица, — тихо пророкотал он, так, что вибрация его голоса отозвалась у меня прямо в рёбрах. — Сиди и смотри внимательно. Чтобы потом не трепалась о том, в чём ни хрена не смыслишь.

Он развернулся, перешагнул через канаты и вошёл в клетку.

В зале вокруг сразу стало тише. Парни у мешков перестали работать, двое молодых бойцов у стены с гантелями повернули головы к рингу. Стало понятно: когда хозяин клуба выходит спарринговать без накладок, на это смотрят все.

Артур ударил кулаком о кулак — сухой, жёсткий звук разнёсся по всему ангару, как выстрел. Тяжеловес был на полголовы ниже Романа, но шире в кости, с бычьей шеей и тяжёлым, неподвижным взглядом. Я невольно вцепилась пальцами в край деревянной скамьи. В голове крутилась картинка грязной уличной драки: звериный рык, слепая ярость, хаотичные размашистые удары, от которых хрустят кости.

Но через три секунды я поняла, как сильно ошиблась.

Это не было слепой дракой. Это было пугающее, завораживающее искусство.

Артур пошёл вперёд первым, выбрасывая тяжёлую, сокрушительную серию в голову. Я едва не вскрикнула, инстинктивно вжав голову в плечи — но Роман даже не отступил. При своих девяноста с лишним килограммах он двигался с лёгкостью и скоростью хищника. Едва заметный уклон корпусом — кулак тяжеловеса рассёк воздух в миллиметре от его виска, — и в ту же долю секунды Потоцкий ответил коротким, хлестким крюком в корпус.

Глухой, влажный удар отозвался у меня под ложечкой так, будто ударили меня саму. Артур крякнул, тут же контратаковал коленом, но Роман перехватил инициативу с такой ледяной точностью, от которой по спине побежали колючие мурашки.

Лицо Потоцкого изменилось до неузнаваемости. Исчезла наглая, вальяжная усмешка. Осталась только абсолютная, хищная концентрация: суженные тёмные глаза, плотно сжатые челюсти, резкие, короткие выдохи сквозь зубы при каждом выпаде. Ни одного лишнего движения. Ни грамма суеты или истерики.

Он загнал центнерного бойца к чёрной сетке, пробил молниеносную двойку, ушёл от встречного апперкота и жёстко, выверенным до сантиметра движением уложил соперника на настил подсечкой. И замер сверху с занесённым правым ку-

лаком — остановив удар ровно в сантиметре от челюсти Артура.

В ангаре повисла секунда звенящей, плотной тишины. Слышно было только тяжёлое, ровное дыхание Романа и гул вентиляции под потолком.

А потом кто-то у мешков одобрительно свистнул, и зал снова ожил.

Роман медленно разжал кулаки, выдохнул, протянул Артуру руку и легко, одним рывком поднял его с настила, коротко хлопнув по плечу. Спина и грудь Потоцкого блестели от выступившего пота, мышцы на плечах ещё ходили ходуном, но в глазах не было ни капли бешенства. Только ясный, холодный огонь.

Он вышел из клетки и подошёл ко мне вплотную. От него шёл такой густой, обжигающий жар, словно я сидела рядом с раскалённой печью. Я невольно откинулась назад, упираясь затылком в холодную стойку ринга, но отвести взгляд не смогла.

— Ну что, доктор? — хрипло, с довольной усмешкой спросил он, вытирая шею брошенным тренером полотенцем и буравя меня тёмным, блестящим взглядом. — Всё ещё думаешь, что я себя не контролирую? Если бы у меня, как ты выразилась, «сорвало клапан», Артур бы сейчас челюсть с пола собирал.

У меня пересохло в горле. Сердце молотило о рёбра так сильно, что, казалось, его стук слышно даже сквозь грохот

колонок. Этот человек был в разы опаснее, чем я думала. Не тупой качок, который машет кулаками от бессилия, а хищник, который умеет дозировать силу до миллиметра и поэтому его ярость пугала ещё сильнее.

— Впечатляющая координация, — ровно, с едва уловимой дрожью в голосе ответила я, заставляя себя смотреть ему прямо в глаза и ни на миллиметр ниже. — Но на ринге у вас есть правила, таймер и человек, который вышел туда добровольно. А в обычной жизни вы переносите этот же механизм на людей, которые не подписывались на спарринг. Это не контроль. Это легализованная агрессия.

Роман замер с полотенцем в руках. Его зрачки расширились, почти затопив радужку, а уголок губ медленно пополз вверх.

— Ах ты ж зараза мелкая, — тихо, с какой-то опасной, тягучей интонацией протянул он. — Тебе хоть кол на голове теши, всё равно на своём стоять будешь.

Он отбросил полотенце на скамью, шагнул ещё ближе и вдруг перехватил меня за запястье — осторожно, не причиняя боли, но с такой железной, безоговорочной хваткой, что вырваться не было ни малейшего шанса.

— Вставай.

— Зачем? — насторожилась я, упираясь каблуками в пол.

— Хватит языком чесать. Раз ты такая умная и всё знаешь про то, как надо проживать злость — иди сюда, покажу, как её сбрасывают без погрузчиков и чужих машин. Вставай,

доктор, не дрейфь, бить не буду.

Глава 8

Прежде чем я успела возразить, он легко потянул меня за собой в дальний угол ангара — в пустую, отгороженную высокой стеной из мягких протекторов зону для разминки, застеленную толстыми синими матами. Здесь не было посторонних глаз, а грохот зала приглушался плотными перегородками.

— Каблуки снимай, — скомандовал он, разматывая бинты с рук и бросая чёрные ленты в угол. — Маты порвёшь, а они дорогие.

— Я не собираюсь заниматься физкультурой в деловом костюме! — возмутилась я, чувствуя, как к щекам приливает обжигающий жар. — Это абсурд и грубое нарушение дистанции!

— Я на твою дистанцию с высокой колокольни плевал. Либо сама туфли скидываешь, либо я тебя прямо в них на плечо закину и крутить буду, пока у тебя твои умные термины из башки не выветрятся. Считаю до трёх. Раз…

Вспомнив позорный рейс до лифта вниз головой в бизнес-центре, я стиснула зубы так, что заныли скулы, и молча выскользнула из лодочек, оставшись на мягком покрытии в тонких чёрных колготках.

Без десятисантиметровых шпилек мир вокруг сразу стал пугающе огромным. Я едва доставала Потоцкому до середи-

ны груди, и мне пришлось задрать голову, чтобы видеть его лицо.

— Вот так гораздо лучше, — хмыкнул он, с откровенным, ленивым удовольствием оглядывая меня сверху вниз. — А то на ходулях своих ходишь, как цапля. Становись сюда. Ноги на ширине плеч, левую чуть вперёд.

— Потоцкий, это цирк…

— Встала, сказал. Не зли меня, пигалица.

Я нехотя расставила ноги, чувствуя, как пружинят под ступнями упругие маты. Роман обошёл меня со спины — и в ту же секунду воздух вокруг словно выкачали насосом.

Он шагнул вплотную. Широкая, раскалённая, обнажённая грудь прижалась прямо к моим лопаткам через тонкую шерсть пиджака. Я замерла, словно меня ударило разрядом тока. Дыхание перехватило напрочь; сердце заколотилось о рёбра с такой бешеной силой, что, казалось, его стук отдаётся в его спине.

Его тяжёлые ладони легли мне на талию, разворачивая бёдра чуть вбок. Большие пальцы сжались на ткани пиджака с такой уверенной, собственнической силой, что внизу живота у меня всё скрутило от жара.

— Расслабься, буратина, — глухо пророкотал он мне прямо в висок, обдавая кожу горячим дыханием. — Ты стоишь, как будто аршин проглотила. Корпус поверни. Вот так.

Его руки скользнули выше — по моим рукам, накрывая мои сжатые в нелепые кулачки ладони своими большими, го-

рячими пальцами. Он поднял мои руки к подбородку, ставя в защитную стойку, и прижался ещё плотнее, фиксируя положение. Я чувствовала спиной каждый бугор его мышц, чувствовала, как тяжело и ровно поднимается его грудь, чувствовала твёрдость его бёдер, вплотную упирающихся в мои.

— Вот эта твоя дурацкая гулька на затылке меня бесит с первой минуты, — вдруг тихо, с хрипотцой выдохнул Роман мне в самое ухо.

Не успела я даже пискнуть, как его правая рука на секунду отпустила моё запястье, скользнула к затылку и двумя быстрыми, бесцеремонными движениями выдернула шпильки из тугого «учительского» пучка.

Тяжёлая, густая волна каштановых волос тут же рассыпалась по плечам и спине, касаясь его обнажённой, горячей груди.

— Потоцкий, вы… вы совсем что ли?!... — задохнулась я, пытаясь дёрнуться в сторону, но он лишь сильнее вжал меня в себя, намертво удерживая за талию.

— Тихо, не дёргайся. Теперь бьёшь. Прямой правой, от плеча, с разворотом бедра. Вспомни самого мерзкого мужика в своей жизни — или меня вспомни, когда я тебе про архив НКВД сказал — и вложись. Давай.

Я зажмурилась на долю секунды. В голове разом вспыхнули звонки коллекторов, предательский звонок Элины из аэропорта, наглая ухмылка самого Потоцкого в кабинете и этот невыносимый, плавящий рассудок жар его тела прямо

сейчас.

— Ну! — рявкнул он над ухом.

Я резко выдохнула и со всей дури выбросила правую руку вперёд.

Удар вышел хлестким, но, поскольку я не рассчитала инерцию и не привыкла бить в пустоту, меня тут же повело вперёд. Нога в скользких колготках предательски поехала по гладкому мату, я потеряла равновесие и начала заваливаться набок.

Роман среагировал мгновенно. Железная рука перехватила меня поперёк груди, дёрнула назад и развернула к себе так резко, что у меня потемнело в глазах.

Я врезалась ладонями прямо в его обнажённую, горячую, влажную от недавней тренировки грудь. Под пальцами гулко, мощно, как кузнечный молот, билось его сердце.

Мы замерли. Его левая рука мёртвой хваткой держала меня за талию, вжимая вплотную к себе, а правая скользнула мне на затылок, зарываясь жёсткими пальцами в распущенные волосы. Лицо Потоцкого оказалось в десяти сантиметрах от моего. Тёмные зрачки расширились, почти полностью затопив радужку; его взгляд скользнул по моим пылающим щекам, опустился на приоткрытые, сбивчиво дышащие губы и задержался там с таким голодным, обжигающим напряжением, что у меня подкосились ноги.

— А удар-то у тебя хороший, мелкая, — хрипло, едва слышно выдохнул он, и его большой палец медленно, неве-

сомо провёл по моей скуле. — Поставить немного и можно на ринг. Злая ты… И горячая. Снаружи лёд, а внутри всё кипит.

Его слова прозвучали так низко и интимно, что по позвоночнику брызнули колючие мурашки. Я хотела оттолкнуть его, хотела сказать что-то язвительное, поставить его на место — но губы не слушались, а ладони вместо того, чтобы оттолкнуть, предательски сжали горячую кожу на его груди.

Казалось, ещё секунда — и он наклонится, стирая эти несчастные десять сантиметров.

Но Роман вдруг глухо рыкнул сквозь зубы, на секунду прикрыл глаза, словно с силой дёрнул стоп-кран внутри самого себя, и медленно разжал руки, отступая на полшага назад.

— Обувайся, — сипло бросил он, отворачиваясь. — Хватит на сегодня практики. Пошли поедим в випке, а то у тебя уже руки трясутся — либо от злости, либо от голода.

Глава 9

Сердце колотилось где-то в районе горла. Каждый шаг наверх в вип-зал давался так, словно я поднималась на эшафот. Там, за дверью, сидел Максим Ветров. Человек, который знает Элину, её голос, лицо и манеру махать руками при разговоре. Стоит ему бросить на меня один взгляд — и всё. Занавес. Статья о мошенничестве, скандал и прощай, моя бедная однушка.

На верхней площадке Роман перехватил меня за локоть, пропуская вперёд, и толкнул тяжёлую черную дверь с табличкой «VIP».

Мы шагнули внутрь — и шум зала мгновенно отрезало плотной звукоизоляцией. Полумрак просторной комнаты разрезала широкая панорамная стена из толстого стекла, за которой внизу, как на ладони, светился прожекторами восьмиугольный ринг. Кожаные диваны цвета горького шоколада, длинный дубовый стол, приглушённые бра на кирпичных стенах.

И ровно посередине комнаты, спиной к нам, застёгивая на ходу тёмное кашемировое пальто и прижимая плечом к уху телефон, стоял высокий мужчина в безупречно сидящем костюме.

У меня внутри всё моментально оборвалось и рухнуло в ледяную пропасть.

— Макс! — рявкнул Потоцкий так громко, что у меня зазвенело в ушах. — Ты куда намылился? Я только приехал!

Мужчина резко обернулся. Тёмные волосы зачёсаны назад, породистое, хищное лицо с тонкой усмешкой, дорогой блеск часов на запястье. Он раздражённо махнул рукой, прикрывая ладонью микрофон смартфона, и сделал два быстрых шага прямо к нам.

Я вжалась в косяк двери, чувствуя, как кровь отливает от лица, а кончики пальцев немеют. Взгляд лихорадочно метнулся в сторону: спрятаться было некуда.

— Романыч, извини, полный форс-мажор, — скороговоркой бросил Макс, даже не сбавляя шага и мельком, на долю секунды скользнув по мне рассеянным, оценивающим взглядом. — На северном участке грунт поплыл, технадзор на ушах стоит, мне через двадцать минут нужно быть там с юристами. С удовольствием бы остался, но сам понимаешь — там сейчас полная задница.

Он хлопнул Романа по плечу, снова прижал телефон к уху, бросил ещё один короткий, насмешливый взгляд на мой глухой воротник блузки и ухмыльнулся:

— О, Потоцкий, да ты время зря не теряешь. Уже нашёл кому мозги выносить? Ладно, завтра созвонимся, не разнеси тут всё до утра!

Дверь за ним глухо щёлкнула. Тяжёлые шаги быстро застучали вниз по металлической лестнице.

Я стояла, вцепившись побелевшими пальцами в ремешок

собственной сумки, и несколько секунд боялась даже моргнуть. В ушах шумело так, словно я только что вынырнула с десятиметровой глубины.

Пронесло.

Господи боже, пронесло! Он спешил, он был по уши в своём аварийном грунте, он даже не подумал, что девица в строгом пальто рядом с Романом может иметь хоть какое-то отношение к клинике Элины!

Я судорожно, с тихим, сбивчивым свистом втянула в лёгкие воздух и привалилась спиной к стене, чувствуя, как по позвоночнику медленно скатывается ледяная капля пота. Ноги стали совсем ватными.

— Эй, ты чего белая как мел? — раздался прямо над ухом низкий, настороженный голос.

Я вздрогнула и вскинула голову. Роман стоял в полушаге, нахмурив густые брови, и буравил меня тяжёлым, цепким взглядом. Его тёплые пальцы бесцеремонно коснулись моей щеки тыльной стороной ладони — проверяя температуру. Кожу обожгло его прикосновением, по шее вниз снова пробежал предательский ток.

— Уберите руки, — я резко качнула головой, отстраняясь, и заставила губы сложиться в привычную ледяную усмешку.

Роман медленно опустил руку, прищурился — в тёмной глубине его глаз мелькнуло недоверие, смешанное с привычным азартом.

— Дергаешься так, будто бабайку увидела, — протянул

он с усмешкой. — Ладно, скидывай своё пальтишко, здесь жарко.

Я судорожно втянула воздух, пытаясь унять предательскую дрожь в кончиках пальцев. Адреналин после встречи с Максом медленно отпускал, оставляя после себя ватную слабость в коленях и гул в висках.

— У меня естественная реакция на новую для себя обстановку, Роман, — сухо отчеканила я, вешая пальто на хромированную стойку у входа и оставаясь в одном строгом пиджаке, под которым спина до сих пор горела от недавнего клинча на синих матах.

Потоцкий глухо хмыкнул, стянул свою тёмную куртку и небрежно бросил её на кожаный диван. Под тонкой чёрной водолазкой снова перекатились литые мышцы плеч, а в тёмных глазах мелькнул знакомый, довольный прищур — ему явно нравилось, что «училка» даже после всех встрясок продолжает огрызаться.

— Ну да, конечно, — усмехнулся он, подходя к встроенной в стену панели внутренней связи и нажимая кнопку вызова. — Слышь, Лёх, скажи на кухне, пусть через пятнадцать минут поднимут в VIP два рибая средней прожарки, овощи на гриле и графин гранатового. И поживее, у меня тут доктор от истощения шатается.

Он отпустил кнопку, повернулся ко мне и с ленивым, откровенным интересом оглядел меня с ног до головы — задержавшись взглядом на рассыпавшихся по плечам каштa-

новых волосах, из которых сам же выдернул все шпильки десять минут назад.

— Вон там умывальник и душ, — кивнул Роман на узкую дверь в дальнем углу комнаты. — Иди сполоснись, а то красная как рак, будто только из бани вышла. Я в соседнюю кабинку на десять минут, после спарринга ополоснуться надо. И даже не думай подглядывать, доктор!

— Много чести, Потоцкий, — фыркнула я, задирая подбородок, хотя уши вспыхнули с новой силой. — Боюсь, от этого зрелища у меня окончательно испортится вкус.

Роман коротко хохотнул и скрылся за соседней дверью, а я быстрым шагом зашла в туалетную комнату и щёлкнула задвижкой.

Оказавшись в одиночестве под ярким светом ламп, я на пару секунд упёрлась ладонями в холодный край раковины и шумно выдохнула. Сердце всё ещё колотилось где-то под ключицей, а в отражении зеркала на меня смотрела растрёпанная, раскрасневшаяся девчонка с лихорадочно блестящими глазами — ни капли не похожая на сухую, неприступную «докторшу».

Я открыла кран и несколько раз плеснула в лицо ледяной водой, пытаясь сбить предательский жар со щёк и привести мысли в порядок. Потянулась к затылку, чтобы снова закрутить свой привычный «учительский» пучок — и только тут сообразила, что все шпильки безнадёжно затерялись внизу, на синих борцовских матах. Ни резинки, ни заколки в сумке,

как назло, не оказалось. Пришлось просто расчесать влажные пряди пальцами и оставить волосы распущенными. Они легли на плечи тяжёлой каштановой волной, и от этого я почувствовала себя так, словно с меня сняли последнюю броню.

Когда я вышла обратно в полумрак VIP-зала, Роман уже успел сходить в душ и переодеться в свежую тёмно-серую футболку, которая обтягивала его плечи ничуть не хуже прежней водолазки. Он стоял у панорамного стекла с влажными волосами, но, услышав щелчок двери, обернулся. Его тёмный, цепкий взгляд скользнул по моему лицу, задержался на распущенных волосах и одобрительно потемнел, отчего под коленками снова предательски ослабло.

Едва я вернулась за дубовый стол, дверь приоткрылась, и парень из персонала клуба молча поставил перед нами огромную деревянную доску, от которой по всей комнате тут же поплыл умопомрачительный, дразнящий дух жареного на углях мяса, розмарина и чеснока.

На доске лежали два толстых, сочных рибая идеальной прожарки, горка запечённых на гриле овощей, пиала с густым перечным соусом и стопка горячих, пузырящихся лепёшек.

Мой желудок, который с самого утра видел только одну чашку растворимого кофе и половину сухого яблока, издал предательски громкий, протяжный урчащий звук.

Я залилась краской до самых кончиков ушей и схватилась

за салфетку. Роман, сидевший напротив, усмехнулся — беззлобно, по-мужски тепло — и пододвинул доску ближе ко мне, вложив мне в руку тяжёлый стейковый нож.

— Ешь давай, — скомандовал он, наливая в два высоких стакана тёмный гранатовый сок из графина. — А то ты тощая, как черенок от лопаты. Ветром дунет — и нет у меня больше личного мозгоправа. На кого я тогда орать буду?

— Я не голодна, — по привычке попыталась включить я «железную леди», но рука сама собой отрезала внушительный кусок сочного, розового внутри мяса.

Стоило ему коснуться языка, как мир вокруг сузился до размеров этой деревянной доски. Мясо таяло во рту, обжигая соком и пряным перцем. Я прикрыла глаза от чистого, почти неприличного удовольствия, забыв на минуту и про суровую осанку, и про психоанализ, и про уголовный кодекс.

Роман молча наблюдал за тем, как я уплетаю уже третий кусок подряд, в его тёмных глазах больше не было ни агрессии, ни хищного азарта — только странное, спокойное внимание, от которого мне вдруг стало куда более не по себе, чем от его криков.

Когда первый голод отступил, я наконец отложила нож, сделала глоток терпкого гранатового сока и поймала его взгляд.

— Что? — насторожилась я, инстинктивно поправляя прядь волос за ухо. — Вы так смотрите, будто я у вас последний кусок хлеба отбираю.

— Да нет, — усмехнулся он, откидываясь на спинку кожаного дивана и вытягивая длинные ноги под столом. — Просто смотрю и думаю: ты когда злишься и нотации читаешь — натуральная мегера, хоть в рамочку вешай. А как есть начала — сразу нормальная девчонка. Живая.

У меня в груди что-то предательски ёкнуло. Я опустила глаза в тарелку, чувствуя, как на смену привычному боевому задору вдруг подкатывает глухой, тяжёлый укол совести. Он говорил со мной по-настоящему. Без фальши, без пафоса — в то время как я сама сидела перед ним в чужой роли и врала на каждом шагу.

Чтобы отогнать эту липкую мысль, я подняла взгляд и тихо спросила — уже без «учительского» металла в голосе, просто по-человечески:

— Роман… можно один вопрос?

Он лениво повел бровью:

— Валяй, доктор. Я сегодня добрый.

— Та история с машиной на стройплощадке… Вы правда не могли просто вызвать эвакуатор или подождать полчаса? Я видела вас в зале. Вы не психопат, который не владеет собой. Вы контролируете каждое своё движение. Так зачем вам понадобилось сминать чужую машину погрузчиком?

На несколько секунд в комнате повисла тишина. Слышно было только приглушённый гул басов из-за стеклянной стены внизу.

Лицо Потоцкого потемнело. Лёгкая улыбка медленно

сползла с его губ, скулы заострились, а взгляд упёрся в стакан с гранатовым соком.

— А ты правда думаешь, что тот урод случайно перегородил выезд именно в тот час, когда у меня шли три миксера с бетоном? — глухо, без всякой интонации спросил он.

Я моргнула.

— В смысле?

— В прямом. В моём бизнесе случайностей не бывает. Сейчас идёт жёсткий передел подрядов на федеральную трассу. Конкуренты зубами в глотку вцепились, им нужно было сорвать мне заливку фундамента и повесить на меня неустойку в двадцать миллионов. Тот хлыщ на дорогой тачке был засланным казачком. Если бы я тогда утерся, вызвал эвакуатор и стоял бы, как терпила, на обочине, пока бетон в миксерах превращается в камень — завтра на мою площадку пришли бы уже не с одной машиной, а с десятком.

Он поднял на меня тяжёлый, ледяной взгляд, от которого по рукам снова побежали мурашки.

— В мире, где я кручусь, доктор, нельзя показывать слабину. Ни на секунду. Если шакалы почуют, что ты проглотил плевок и промолчал — к утру от тебя даже костей не останется. Поэтому иногда проще сразу переехать тачку погрузчиком и заплатить штраф, чем потом хоронить свой бизнес.

Я молчала, переваривая услышанное. Вся моя аккуратная теория про «неумение проживать гнев» вдруг рассыпалась в пыль перед этой жёсткой, звериной логикой выживания.

— Звучит так, будто вы всю жизнь на войне, — негромко сказала я, сама не замечая, как исчезла последняя дистанция между нами.

Роман усмехнулся — коротко, горько, без привычной наглости.

— Так и есть, мелкая. Я с детства такой. Другого режима просто не завезли.

Он крутанул стакан в широких пальцах, глядя куда-то мимо меня, и добавил тем же ровным, будничным тоном, каким говорят о погоде за окном:

— В детском доме по-другому не выживешь. Там либо ты сразу бьёшь в зубы первому, кто полезет к твоей тумбочке, либо тебя размазывают по стенке до самого выпуска. Воспитателям плевать, кто прав, а кто виноват. Выживает тот, кого боятся трогать.

Воздух в комнате словно загустел.

Я замерла с вилкой в руке, не в силах вымолвить ни слова. В голове гулко зазвенело. Роман Потоцкий — владелец строительного холдинга, хозяин этого клуба, человек, перед которым навытяжку встают охранники и лебезят чиновники… вырос в детдоме?!

Наверное, всё моё потрясение слишком ярко отразилось у меня на лице — потому что Роман вдруг перевёл взгляд на меня, криво усмехнулся и покачал головой.

— Эй, убери это лицо. Терпеть не могу, когда на меня так смотрят. Я это не для того ляпнул, чтобы ты меня сейчас по

головке гладила и сопли мне утирала.

Он подался вперёд, упираясь локтями в стол, и в его глазах снова вспыхнул знакомый, насмешливый огонёк — броня вернулась на место, закрывая ту короткую трещину, в которую я только что заглянула.

— Я вообще на эту тему не распространяюсь. Но раз уж ты теперь мой дипломированный мозгоправ и собираешься копаться у меня в башке, заруби себе на носу сразу: прорабатывать маму с папой нам с тобой не придётся. Некого прорабатывать. Сэкономим кучу оплаченного времени. Договорились?

Глава 10

Кот Филька, свернувшийся калачиком у меня в ногах, недовольно мяукнул, когда я резко села в постели и уставилась в серый предрассветный потолок.

С момента нашего «выездного сеанса» в бойцовском клубе прошло почти двое суток, а у меня до сих пор при одном воспоминании о синих борцовских матах под лож

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.